

LUIGI CAPOGROSSI-COLOGNESI, *La struttura della proprietà e la formazione dei «iura praediorum» nell'età repubblicana*, I, Milano, 1969, IV+541 стр.

Первый том исследования Л. Капогресси-Колоньези, видимо, должен служить введением к дальнейшему анализу поставленной автором проблемы, но тем не менее представляет и значительный самостоятельный интерес. Том состоит из четырех больших глав: 1) Структура и генезис *dominium ex iure ritium* и *iura praediorum* в юридической историографии (стр. 1—146); 2) Структура фамилии и власти *pater* в архаическую эпоху (стр. 147—276); 3) «Manus», «potestas», «mancipium» (стр. 277—348); 4) Понятие собственности (стр. 349—509). Далее следует указатель использованной литературы и источников.

Не только первая, но и последующие главы посвящены в значительной мере обзору и критическому разбору различных точек зрения на интересующие автора вопросы. Историографический обзор он начинает со средневековых юристов, характеризует развитие и модификацию их взглядов в XVI—XVIII вв. и затем переходит к подробному разбору работ XIX—XX вв. Автор подчеркивает, что проблема архаической римской собственности была всегда тесно связана с интерпретацией характера власти *pater* и структуры архаической римской фамилии. В XIX в. господствовала точка зрения, определявшаяся, с одной стороны, влиянием позитивизма и эволюционизма, трактовавшего развитие как плавный непосредственный переход низших, менее дифференцированных организмов, в высшие, более сложные, а с другой стороны, патриархальной теорией возникновения государства в результате разрастания и объединения автономных кровнородственных групп. Отсюда представление об архаической фамилии как о первичной политической организации, о переходе от фамилии к роду, от рода к городу-государству, к *civitas*. Соответственно, *pater familias* рассматривался как верховный магистрат дома, аналогичный главе государства, а его власть — политическая, равным образом распространявшаяся на свободных сочленов фамилии, рабов и имущество. Эта точка зрения определила и концепцию знаменитого итальянского историка права Бонфанте, которой Капогресси-Колоньези уделяет очень большое внимание. При этом он особо отмечает, что отдельные выводы Бонфанте приближаются к положениям К. Маркса и Ф. Энгельса, хотя в целом он на позиции марксизма и не стоял. Так, Бонфанте исходил из того, что тот или иной вид собственности возникает на основе того или иного типа хозяйства, определявшего все общественные отношения. Однако взгляд на *pater familias* как на политического суверена группы не позволил Бонфанте пойти дальше и принять мысль Маркса и Энгельса о фамилии как домашней общине, где власть главы не была абсолютной, а также об общественной собственности естественно сложившейся общины. Все же, по словам Капогресси-Колоньези, прямое или косвенное влияние марксистских идей на Бонфанте и некоторых других итальянских историков, историческое чутье которых позволило им выйти за рамки позитивизма, свидетельствует о высокой степени развития итальянской юридической науки XIX в., не чуждой самым передовым современным идеям.

Одним из основных выводов Бонфанте было установление различия между *res mancipi* и *res nec mancipi* как между имуществом индивида и имуществом группы, ибо такая двойная структура собственности была свойственна не только архаическому Риму, но и всем примитивным народам. Впоследствии эта точка зрения Бонфанте получила дальнейшее развитие в трактовке *res mancipi* и *res nec mancipi* как имущества, имевшего в древнем обществе большую (некоторые связывали ее с сельским хозяйством, некоторые и с иными моментами), или меньшую «социальную значимость», почему передача их была обставлена более или менее сложным церемониалом. Для упорядочения циркуляции *res mancipi* было введено понятие *mancipatio*.

Несмотря на популярность концепции Бонфанте, в XX в. ряд его положений подвергся критике и пересмотру. Большое значение Капогресси-Колоньези придает исследованию бельгийского юриста Де Виссера (De Visscher), который в отличие от Бонфанте не считал власть главы фамилии политической, но также трактовал ее как единую, унитарную власть над сочленами и имуществом фамилии, власть, выражающуюся понятиями *manus*, *potestas*, *mancipium* и впоследствии обозначавшуюся термином *dominium*, характерным для совсем новой, принципиально отличной стадии развития.

Основной недостаток теории унитарной власти главы фамилии, по мнению Капогресси-Колоньези, тот, что теория эта не учитывает разницу между характером *potestas*, относящейся к свободным потомкам «отца» (*pater*), и *mancipium* — власти над рабами, вещами, и теми свободными, которые находились *in causa mancipii*. Более подробно свои возражения и собственную точку зрения он обосновывает в последующих главах.

Представление об автономном, уже в догосударственном период суверенном, политическом характере фамилии, или большой агнатической семьи, или рода, пишет он, основано на реконструкции (исходящей из положения в классической римской фами-

лии) прав *pater familias*, в которых видели реликты древнейшей эпохи, когда он будто бы обладал суверенной политической властью. Но попытка вывести характеристику архаической фамилии из фамилии классической неправомерна. Если же за древнейшую политическую единицу принять род, то приходится прибегнуть к гипотезе о существовании некоего *pater gentis*, обладавшего *potestas, manus* и *mancipium*, и объяснить, каким образом его власть затем перешла к *pater familias*, каким образом последний стал собственником коллективного и индивидуального имущества, *res mancipi* и *res nec mancipi*, что не может быть сделано достаточно убедительно. Кроме того, последние археологические исследования, обобщенные Де Франчиши и Серени, показывают, что уже в первые века первого тысячелетия до н. э. в Лации существовали мелкие поселения — *vici* — со своими территориями, пагами. Именно за счет их объединения и возникла впоследствии *civitas*, на которую была перенесена политическая власть, ранее принадлежавшая этим мелким группам. Села и паги, населенные людьми, принадлежавшими к разным родам, представляли собой социально-территориальную организацию, являющуюся промежуточным звеном между гентильной группой и *civitas*. Вместо простой эволюции: фамилия — род — *civitas*, вырисовывается более сложная, и только она способна адекватно объяснить этническую, языковую и религиозную общность Лация и соотношение села, пага, рода и фамилии. Паги были политическими организациями, управляющимися олигархией *patres*, и пережитки того времени сохранились в позднейших собраниях и религиозных церемониях *pagani*. Гентильная организация существовала и играла большую роль, но роды не были суверенными монадами, а соединялись в более крупные целостности, что соответствовало тогдашнему сравнительно высокому уровню сельского хозяйства. Гентильная организация сохраняла свои традиции лишь постольку, поскольку они не входили в противоречие с более широкой территориальной общностью. Видеть в роде политическую организацию, замечает Капогресси-Колоньези, присоединяясь к Серени, могут лишь те философы-идеалисты, которые, не понимая сущности государства, готовы усматривать его в любой социальной организации. Территориальные общины возникали путем ассоциации более и менее значительных родов и постепенно сливались между собой в большую политическую общность, матрицу города-государства. Значительную роль в этом процессе играло возникновение общих культовых, ставших также экономическими центрами, как-то, на Альбанской горе, близ Арреция и т. д. Автор допускает возможность, что известный *rex Nemorensis*, власть которого переходила к убившему его противнику, был одним из первых глав сформировавшегося таким образом союза и что сходный характер носила первоначально и власть римских царей, многие из которых, согласно легенде, погибли насильственной смертью.

Все эти новые данные подорвали представление как о непосредственной эволюции от фамилии к роду и государству, так и о политической унитарной власти древнейшего *pater familias*. Власть эта, по мнению автора книги, была и не политической, и не унитарной, не равной по отношению ко всем людям и вещам, включавшимся в фамилию. Для доказательства этого положения он подробно рассматривает все данные о *mancipatio*.

Древнейшее упоминание этого понятия связано с троекратной продажей отцом сына, становившегося *in causa mancipii*, т. е. рабом. Такая сделка носила экономический характер передачи рабочей силы из одной фамилии в другую, почему проданный сын и приравнивался к рабу. И из всех *res mancipi* только рабы впоследствии обозначались как *mancipia*. Разобрав существующие мнения об этимологии терминов, обозначающих рабов, автор высказывает предположение, что самая их множественность указывает на разнообразие происхождения и функций рабов. Термин *mancipia* обозначал рабов как экономическую категорию, предмет обмена. Некогда так же называли и проданного сына, но впоследствии усилилась потребность подчеркнуть разницу между рабами и свободнорожденными членами фамилии. За первыми осталось наименование *mancipia*, для проданного же сына было введено обозначение власти личного характера, сходной с властью над рабами. Однако это не говорит об унитарной природе власти личного характера, сходной с властью над рабами, об унитарной природе власти *pater*. Против нее свидетельствует различие в процедуре отчуждения разных предметов и передачи власти над ними, а также само происхождение такой власти. *Res mancipi*, связанные с *mancipium*, отчуждались путем *mancipatio* и *in iure cessio*, что давало власть над ними. *Patria potestas* приобреталась церемонией *tollere liberos*, приобщавшей новорожденного к фамилии, и не могла быть передана. Эманципируя детей, *pater* передавал не свою *potestas*, а право на них как на находящихся *in causa mancipii*. *Patria potestas* радикально отлична от власти над рабами и прочим имуществом: первая была неотчуждаемой, вторая отчуждаемой.

В третьей главе Капогресси-Колоньези подробно разбирает термины *manus, potestas, mancipium*, обозначавшие, по мнению сторонников унитарной власти главы фамилии, эту власть до появления термина *dominium*. Он приходит к выводу, что термином *manus* обозначалась только власть над женой. Термин *potestas* мог обозначать разные ситуации превосходства, господства, но в сфере фамилии прилагался

только к отношению главы к его потомкам. Слово же *mancipium*, как, по мнению автора, показывает подробный анализ и интерпретация употребления этого термина в различных источниках, не обозначало собственности, а относилось к сделкам по передаче прав. Это не абстрактное понятие собственности, а право на вещь (и, в первую очередь на рабов), передававшееся путем *mancipatio*. В I в. до н. э. *mancipium* называлось право, возникавшее в результате сделки *per aes libram*. В древнейшие времена *mancipio dare* — акцире было связано с реальным значением *mancipium* как процедуры сделки, а не с понятием собственности.

В последней, четвертой главе развиваются уже прежде приведенные суждения и подводятся некоторые итоги. Из анализа *lex actio sacramenta in rem* автор заключает, что по архаическим представлениям, соединявшим доюридические и юридические элементы, существовал некий предустановленный порядок, нарушенный конфликтом сторон. Третье лицо, которое *ius dicit*, решало, какая из двух противоположных вилдикаций более соответствует этому порядку, и восстанавливало его. Самый термин *vindicatio* указывает, по словам Капогресси-Колоньези, на соответственный ход мыслей. Примитивное мышление архаического римлянина не сознавало существования собственности как абстрактного права, независимого от реального отношения к вещи. В этой связи Капогресси-Колоньези цитирует К. Маркса¹, полагая, что его слова не допускают такого понимания, согласно которому владение, как думают некоторые, старше собственности и последняя вывлекла из него. Различие между владением и собственностью вообще могло появиться лишь тогда, когда было ясно осознано самое понятие собственности, причем следует иметь в виду, что самый термин «собственность» в эпохи с разной социальной организацией мог прилагаться к различным ситуациям и институтам.

В древнейшие времена собственность выражалась формулой *meum esse ex iure Quiritium*, представление о собственности наиболее отчетливо сказывалось лишь в процессуальной сфере; абстрактного юридического оформления оно еще не имело. Поэтому Капогресси-Колоньези считает неприемлемой теорию Казера об «относительной собственности», т. е. о наибольшем праве на вещь, лежавшем в основе вилдикации, поскольку это предполагает слишком глубокое теоретическое обобщение, которого тогда еще быть не могло. Древнейшая собственность, выраженная словами *meum esse*, не была принципиально отлична от позднейшего *dominium*, но последнее понятие было результатом высоко развитого абстрактного юридического мышления, первое — выражением конкретного отношения к вещи.

Древняя латынь была бедна абстракциями. *Meum, tuum, mihi esse, proprius, habere, possidere, uti, frui* — все это были конкретные наименования принадлежности, а не абстрактного понятия собственности. Возможно, замечает автор, что *possidere* первоначально относились к владению частных лиц на *ager publicus* и лишь впоследствии стало означать право на вещь, отличное от права собственности. *Uti* и *frui* получили свое специфическое значение тоже впоследствии, с развитием соответственных правовых форм, раньше просто обозначали конкретные возможности собственника *ex iure*. К терминологии собственности не относится слово *pater* (так как нельзя было говорить о *pater* быка или земли). Самым древним обозначением собственника был термин неизвестного происхождения *egus*. По мнению лингвистов, он был противоположен термину «раб» и означал хозяина раба. Возможно, однако, что в древнейшие времена *egus* назывался собственник любого имущества, а господина раба этот термин стал обозначать лишь с появлением термина *dominus*. Так, у Плавта и Теренция *egus* — хозяин раба, *dominus* — других вещей. В комедиях рабы обычно говорят *egus*, свободные — *dominus*. Слово *egus* возникло тогда, когда в обществе появилась зависимость, не основанная на кровном родстве, и ее надо как-то обозначить, так как словосочетание *pater servi* ей не соответствовало. Вместе с тем появляется и постепенно приобретает все большее распространение слово *dominis*, выражавшее отношение субъекта к его имуществу.

Процесс этот не следует представлять себе прямолинейным и считать, что III в. до н. э., когда термин *dominus* уже хорошо засвидетельствован, был каким-то переломным пунктом, переходом от еще мало осознанного юридического мышления к ясно осознанному. В законе Аквилы, например, фигурирует не *dominus*, как можно было бы ожидать, а *egus*, каковой термин обозначает здесь владельца не только раба, было бы ожидать, а может быть, и иного имущества. Закон Аквилы подтверждает, что власть но и скота, а может быть, и иного имущества. Закон Аквилы подтверждает, что власть главы фамилии тогда, как и в древнейшие времена, была различной по отношению к потомкам и по отношению к рабам и имуществу, почему он и назван там *egus*, как собственник рабов и скота. У Катона термин *egus* вовсе не встречается, этот автор именуется владельца только *dominus*. Капогресси-Колоньези объясняет это тем, что Катон писал для рабовладельцев той эпохи, когда человеческий элемент во взаимосвязи хозяина и раба, еще имевший место в эпоху патриархального рабства, исчезает, когда римское общество становится империалистическим и рабовладельческим в пол-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 33—34; ср. рец. кн., стр. 384.

ном смысле слова, когда раб начинает рассматриваться только как юридическая и экономическая категория, средство производства.

Термин *dominus*, долгое время сосуществовавший с *egus*, ко II в. до н. э. стал единственным; слово *egus* окончательно выходит из употребления.

Термин *dominus* первоначально означал «владелец дома», а затем более специальные понятия, например, «хозяин дома», «дающий пир», «владелец отдельных, принадлежащих дому вещей» и т. п. Роль этого термина усиливалась с развитием рабства, с переходом от рабства патриархального к классическому. Юридически характер собственности на раба не изменился, но стал более четко осознаваться. Распространение термина *dominus* было важным этапом на пути формирования понятия *dominium ex iure Quiritium*, более абстрактного, чем *dominus*. Но и *dominus*, во всяком случае в III в. до н. э., был собственником имущества, и имел право распоряжаться им (будь то *res mancipi* или *res nec mancipi*) любым образом, по своему усмотрению. Самый термин *dominium* еще не встречается не только тогда, но даже и у Цицерона, обозначающего соответственное понятие различными иными терминами, например *dominatus*. Некоторые, основываясь на отсутствии термина *dominium* в эпоху Республики, считают, что в это время власть *pater* именовалась *mancipium*, однако то был не общий, а специальный термин, относившийся лишь к власти главы фамилии над определенной категорией лиц.

Итак, в III в. до н. э. существовало уже не только конкретное обозначение принадлежности в форме *meum esse*, но и наименование собственника *dominus*. При Цицероне имелись уже разные термины абстрактного наименования собственности; впоследствии их было два: *proprietas* и *dominium*. Развитие шло не от абстрактного *mancipium* к столь же абстрактному *dominium*, а от конкретного *meum esse*, через *dominus* к абстрактному *dominium*. Терминология собственности формировалась на фоне общего развития юридического мышления, например, зарождавшегося в III в. до н. э. понятия *ius in res aliena*, а может быть, и отличия собственности от владения. Термин *dominium* впервые встречается у Алфена Вара и, возможно, был введен Сервием и его школой.

Однако то, что раньше этот термин отсутствовал, не означает, что отсутствовал и соответственный институт. Понятие *dominium* вырабатывалось постепенно, в противопоставлении *iura praediorum* и *usus fructus*. Полного абстрактного определения собственности римские юристы так никогда и не дали. По мнению некоторых, это объясняется многообразием видов собственности и их происхождения: *dominium ex iure Quiritium*; *in bonis habere*; *possessio* в провинциях. Но, по мнению Капогросси-Колоньези, данный факт объясняется медленностью формирования понятия *dominium* и равнодушием римских юристов к дефинициям.

В конце автор формулирует свои выводы: обычное представление о переходе от политической или патримониальной власти главы фамилии, обозначавшейся абстрактным понятием *mancipium* к чисто экономическому праву собственности — *dominium*, зиждется лишь на отсутствии последнего термина в республиканских текстах, что еще не доказывает отсутствия самого института. На деле *mancipium* — такая же абстракция, как *dominium*, окончательно сложившаяся как термин собственности вместе с терминами *dominium* и *proprietas*, эволюция же имела характер перехода от конкретного, необобщенного понятия собственности к абстрактному.

Как можно видеть даже из этого краткого изложения содержания книги, она представляет несомненный интерес и для историков римского права, и для историков античности вообще. Достаточно известно, сколько споров вызывало и вызывает понятие собственности в докапиталистических формациях и сколь важна его разработка, в частности, и для выяснения генезиса и эволюции античной формы собственности, а следовательно, и античного города-государства. Общие выводы автора, основанные на большом, тщательно проанализированном материале, представляются убедительными, хотя, возможно, отдельные приводимые им интерпретации (например, употребления понятия *mancipium* у Цицерона) могут быть оспорены как несколько натянутые.

Некоторые сомнения вызывает следующий момент: хотя автор неоднократно подчеркивает необходимость изучать историю юридических понятий в тесной связи с социально-экономической и политической историей, он по существу смотрит лишь, как генезис древнейшей территориальной общины и развитие рабства влияли на интерпретацию власти *pater* и на развитие собственности. Но естественно возникает вопрос, не играли ли в этом отношении какую-то роль и перипетии борьбы патрициев и плебеев, нарушавшие плавный ход развития соответственных институтов? С этой точки зрения, хотя автор и прав, призывая к осторожности в использовании сравнительно-исторического материала и этнографических данных о народах стадияльно более или менее близких к римлянам древнейшей эпохи, тем не менее он, вероятно, в большей мере мог бы использовать этот материал, чтобы попытаться выяснить, внесла ли борьба патрициев и плебеев (и принятые в ее ходе меры) те или иные изменения в положение фамилии и ее главы, в отношении собственности, характерные для периода, предшествовавшего этой борьбе. Для выяснения генезиса античной

формы собственности и античного города-государства попытка выявить специфику Рима в этом смысле имела бы первостепенное значение. В частности, например, интересно было бы рассмотреть под углом зрения изучаемых Капогресси-Колоньези вопросов место клиентов и колонов в структуре древней фамилии и имущественных отношений. Самое наличие этих категорий, независимо от того, считать ли их идентичными или различными, должно было как-то повлиять на дифференциацию понятий собственности и владения, а также на характер власти главы фамилии над составлявшими фамилию лицами, в число которых входили и клиенты.

Большого внимания заслуживает и интереснейшая проблема, возникающая в связи с отсутствием определения понятия собственности в римском праве. Медленное и позднее развитие понятия *dominium* собственно не разъясняет этот феномен, как не объясняет его и несклонность римских юристов к дефинициям, так как целый ряд понятий в праве был, если не исчерпывающе определен, то все же достаточно детально описан. Не связано ли это скорее с тем отмеченным Капогресси-Колоньези положением, что в разной социальной среде понятие собственности может применяться к разным ситуациям? Не была ли, несмотря на несомненный и осознаваемый современниками факт наличия частной собственности в Риме, самая эта собственность настолько отлична от современной капиталистической, что и самое ее понимание и подход к ней занимали иное место в системе юридической мысли?

Однако этот вопрос, естественно, не мог быть подробно рассмотрен автором в рамках данного исследования. Возможно, он, как и другие возникающие при чтении первого тома вопросы, получит ответ во втором томе.

Е. М. Штаерман

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ КИПРА (IV в. до н.э.—VII в. н. э.)

Настоящая статья представляет обзор публикаций греческих надписей Кипра, изданных Ино Михаелиду-Николау¹. Одни надписи происходят из недавних археологических раскопок, другие найдены при строительных работах. Все они хранятся в музеях Кипра. Надписи издаются впервые. Публикация включает описание самих памятников, на которых начертаны надписи, место находки и хранения; она снабжена хорошими фотографиями и таблицами шрифтов для каждой надписи отдельно по всем буквам алфавита. Содержание надписей различно. Здесь и почетные декреты, чаще всего в честь города, императора или его семьи, полководца или высокопоставленных граждан (часто надписи начертаны на базах статуй), посвящения богам и надгробные надписи, которых больше всего. Публикуются также строительные надписи и надписи на гирях для упражнения атлетов, на плитах для игры (так называемые *tabulae lusoriae*), на керамических изделиях, на предметах культа; некоторые надписи имеют магическое содержание. Ино Михаелиду-Николау издает и плохо сохранившиеся надписи, невозможные для восстановления, которых мы не будем касаться. Мы останавливаемся на некоторых надписях и для удобства обзора рассматриваем их тематически, по возможности в хронологическом порядке, в переводе и толковании самого издателя. В некоторых случаях, где оказалось возможным, мы приводим суждения Л. Робера о публикации Михаелиду-Николау. Надписи, на которых мы специально останавливаемся, важны для истории Кипра эллинистического времени и периода Римской империи. Они относятся к вопросам государственной жизни, строительной деятельности, торговли, спорта и религии, некоторые надписи интересны в просопографическом отношении.

Посвятельные надписи. Декреты. К 70-м годам III в. до н. э. относится алтарь, посвященный Арсиноэ, жене Птолемея II Филадельфа (274—270 гг. до н. э.)². Алтарь сделан из крупного желтоватого известняка. Сохранилась верхняя его часть с надписью: Ἀρσινόης Φιλαδέλφου «[Алтарь] Арсинои (жены) Филадельфа». Найден был недалеко от совр. деревни Архимандрита в заповеднике Ориты, в округе Пафоса. Такие же надписи на алтарях и на плитах обнаружены и ранее в Марпуме, Кукфоса, Курпуме. Датируются они 274—270 гг. до н. э. Аналогичное посвящение начертано на четырехугольном алтаре из известняка, найденном около деревни Куклини в местности Эвретата. Датируется теми же годами, что и предыдущий алтарь³. К началу III в. до н. э. относится почетный декрет в честь Аристократа, гражданина города Пафоса, оказавшего городу какие-то услуги⁴. Декрет начертан на плите из известняка, он был найден около деревни Куклини в местности Кутсукка. Восстановить полностью текст надписи невозможно, так как от него сохранилось шесть неполных строк. К концу III или началу II в. до н. э. относится надпись Герагора, сына Нумения (полководца), в честь его брата и его дочери, племянницы Герагора. Надпись начертана на мраморной базе от статуи, найдена в местечке Каталимата близ Ламбузы (древний Лапитос), на севере Кипра⁵. На базе стояли две статуи лиц, упомянутых в надписи. Надпись следующая: Ἡραγόρας Νουμηνίου στρατηγός τὸν αὐτοῦ ἀδελφὸν τὸν...καί] τὴν θυγατὲρ [ρα αὐτοῦ τὴν... «Герагор, сын Нумения, (стратег) поставил (в честь) своего брата и дочери его».

Имя Герагор уже встречалось в двух надписях, найденных ранее около совр. деревни Ларнаки (близ Лапитоса), где, как предполагают, находился храм Посейдо-

¹ Reports of the Department of the Antiquities Cyprus. Inscriptiones Cypriae Alpha-beticae (далее — ICA), I (1960—1961), II (1962), III (1963), Nicosia, 1963—1965; BCH, т. LXXXV, 1961, II, стр. 403—407; BCH, т. LXXXIX, 1965, I, стр. 122—126.

² ICA (II), 1962, стр. 8, № 8, табл. 8.

³ ICA (III), 1963, стр. 211, № 22, табл. XX, 22.

⁴ Там же, стр. 210, № 21, табл. XX, 21.

⁵ ICA (I), 1960—1961, стр. 140, № 10, табл. XXXV, 10.